

А. А. Иванов, С. В. Машкевич, А. С. Пученков

«Царь и народ: вот формула нашего времени».

О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг.

**Иванов Андрей
Александрович,**
д. и. н., доцент,
Российский
государственный
педагогический
университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Машкевич Стефан
Владимирович,**
д. физ.-мат. н.,
ведущий научный
сотрудник, Институт
теоретической физики
им. Н. Н. Боголюбова
НАН Украины
(Нью-Йорк, США;
Киев, Украина)

**Пученков Александр
Сергеевич,**
к. и. н., доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Биография известного русского правого деятеля Николая Евгеньевича Маркова (Маркова 2-го, как называли его в Думе, чтобы не путать с дядей-однофамильцем), бывшего до революции председателем Главного совета Союза русского народа и лидером фракции правых в Государственной думе, до сегодняшнего дня, несмотря на выход ряда публикаций¹, посвященных ему, все еще недостаточно изучена. Во многом это замечание относится к эмигрантским годам жизни Н. Е. Маркова, которые хотя и выпадают на период, когда пик политической карьеры вождя черной сотни был уже безвозвратно позади, но, тем не менее, составляют большую и важную веху в его жизни.

Ряд исследователей уже обращали внимание на политические взгляды Н. Е. Маркова в эмиграции², однако привлечение новых источников позволяет существенно расширить и скорректировать имеющиеся в исторической науке представления. В этом отношении огромную ценность представляют письма Н. Е. Маркова племяннику, которые хранятся в Бахметьевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США)³. Хотя источник этот уже привлекался в своих работах Р. Ш. Ганелиным⁴ и П. Н. Базановым⁵, следует признать, что использован ими он был лишь частично — настолько, насколько требовала того тема их публикаций, при этом целый пласт ценных с точки зрения освещения биографии Н. Е. Маркова материалов так и остался не введенным в научный оборот.

В бумагах Н. Е. Маркова, составивших отдельную коллекцию, сохранились краткая биография Николая Евгеньевича⁶ (видимо, написанная его племянником) и 39 писем политика (37 рукописных и два отпечатанных на машинке с рукописными вставками), хронологически охватывающих период с 17 ян-

варя 1930 г. по 22 июля 1939 г. Основываясь на этих письмах, в рамках данной статьи мы попытаемся реконструировать и проанализировать взгляды Н. Е. Маркова 1930-х гг. на международные вопросы, положение в СССР, фашизм, и некоторые другие.

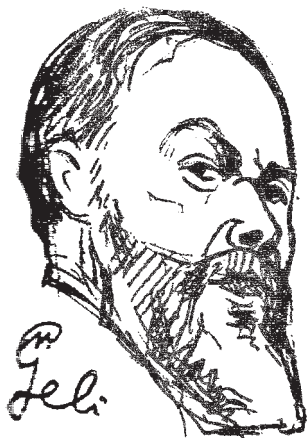
Практически в каждом из писем мы встречаем отзывы Н. Е. Маркова об СССР и его непоколебимую уверенность в скором падении советской власти. «В СССР — ад кромешный», пишет он в одном из писем, отмечая далее, что его «надежды на скорое падение власти палачей России отнюдь не ослабели. Только сердце сжимается при мысли, в каком виде найдем мы свою Россию — после падения сатанистов»⁷.

При этом обращает на себя внимание, что с одной стороны Н. Е. Марков сумел разглядеть некоторые эволюционные процессы, происходившие в СССР, а с другой — показал полную несостоятельность в оценке ближайших перспектив советского строя. В письмах Н. Е. Маркова СССР предстает исключительно как «империя зла», что, в общем-то, вполне понятно. Заявляя свое кредо, политик-монархист пишет: «Лично я не вижу иной цели жизни, как добиться восстановления разрушенного социалистами Российского государства. И этого мы добьемся — во что бы то ни стало»⁸. «Если наши усилия (вместе с усилиями русского народа) не увенчаются успехом, в ближайшем времени, — сообщал он далее, — Коминтерн окончательно утвердится в России и в Китае (и в Индии, Египте, Африке) и тогда прости-прощай культура человеческая...»⁹

При этом Н. Е. Марков пребывал в уверенности, что русский народ только и ждет момента, чтобы выступить против советской власти. Ссылаясь на свои источники информации, он заявлял: «...Люди СССР отнюдь не нуждаются в растолковании их положения. Они великолепно его понимают — от мала до велика. Не отсутствие понимания, а реальная трудность предстоящего переворота останавливает их порывы к освобождению». Более того, Н. Е. Марков наивно верил, что «красная армия, конечно, давно восстала бы, если бы... если

Н. Е. Марков

Н. Е. Марков в конце 1920-х гг.

бы безоружные пехотные полки не были под дулами пулеметных рот, пополненных иностранными коммунистами и командуемых партийцами; если бы пулеметные роты не чувствовали себя под обстрелом воздушных эскадрилий, почти сплошь укомплектованных жидами; если бы над всей красной армией не носился страх газового истребления, уготованного в ретортах химических баз, где русским духом даже не пахнет». «Свирепый террор, нескрываема угроза истребления всего ослушного, готовность убивать по одному лишь подозрению, исчезновение по ночам всякого, кто только показался ГПУ слишком популярным или просто излишне сообщительным, — все это задерживает момент общего взрыва и приводит к разрозненным вспышкам отчаяния. Но настроения растут, но взрыв будет, и взрыв этот будет ужасен», — заключал эмигрантский политик¹⁰.

Эти обнадеживающие для него выводы Н. Е. Марков во многом делал, анализируя публикации в советской прессе. «Почитай советские газеты, послушай их вопли: в советских библиотеках не берут сочинений Ленина и Бухарина, а требуют Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Кто это требует? — Комсомольцы, пионеры — надежда советской власти, опора сталинского престола. Театры делают у них полные сборы лишь при постановке старых классических вещей, чем “буржуазнее” — тем больше публики. А какая это публика? Цвет советского чиновничества, семьи самих правителей, учащиеся вузов. Ничего — по-иному. Все ворочается к здоровому, естественному, старому — ибо оно было объективно хорошо», — оптимистично сообщал он племяннику¹¹. Более того, в этот период Маркову стало казаться, что в СССР происходит резкий перелом настроений «в сторону национализма, религиозности и жажды собственности», которыми «все более проникается молодежь, даже комсомольская»¹².

В связи с этим, будучи уже человеком в возрасте (в 1936 г. ему исполнилось 70 лет), Н. Е. Марков, не желая смиряться со своим политическим поражением и крахом исповедуемых им идей, пытался претендовать на роль учителя не только молодого поколения антибольшевистской эмиграции, но и советской молодежи. «Наше дело, дело людей прошлой России, научить советом и опытом людей новой России, предостеречь их от повторения старых ошибок и совместно с ними, отнюдь не чуждаясь их неотесанности и грубости, чувств и мыслей, составить мощное единство Русского народа», — отмечал он в одном из писем¹³. Подчеркивая свое значение как опытного политического деятеля и старого партийного бойца, Н. Е. Марков

пытался убедить себя и окружающих, что обескровленная после революции и гражданской войны Россия «должна дорожить своими старыми деятелями и использовать их до последней возможности. Ведь новый подгон молодежи весьма испакощен переворотной эпохой и нуждается в руководстве опытных и твердых в своих принципах людей. Поэтому и мне не надлежит уходить на покой, а продолжать борьбу»¹⁴. В письмах этого периода Н. Е. Марков намеками дает понять, что группирующиеся вокруг него крайне правые эмигрантские силы стали получать определенную поддержку извне, а потому представляют действительную силу. «Солидные и могущественные группы пожелали наконец вступить в сношения и переговоры с нашими организациями, — отмечал он. — Произошел психологический перелом, и те, кто еще в прошлом году вели свои расчеты на СССР, теперь готовы поставить ставку на воскресшую Россию. Немного еще терпения и настойчивости, и мы — у пристани»¹⁵.

Начавшиеся в СССР репрессии обнадежили политика-монархиста. Рассуждая о политических процессах, Н. Е. Марков полагал, что «брожение умов и острое недовольство советской властью все усиливается и все глубже раскалывает коммунистическую партию». «Аресты и ссылки последних месяцев почти все обрушились не на беспартийных, а на самых настоящих партийных и комсомольцев, — справедливо подмечал Марков, но далее делал поспешный вывод, — Компартия определенно распадается и раскалывается: это лучший признак»¹⁶. «Пауки в банке СССР начали систематично уничтожать друг дружку и выполнять это задание с блестящим успехом, — лишь бы темная сила извне не пришла бы им на помощь», — с надеждой комментировал он внутривнутрипартийную борьбу в СССР¹⁷. Касаясь в одном из писем убийства С. М. Кирова, Н. Е. Марков замечал: «Вести с родины все более утешительны. Подрастающие поколения коммунистов все более отрываются от старых злодеев революции и все более влекутся к восстановлению России <...>. Убийство злодея Кирова весьма характерно для этих настроений, и сколько не беснуется сов. власть, сколько не учитывает она новых зверств и избиений неповинных людей, она валится в пропасть. <...> Новые поколения выступили на сцену русской жизни, они, хотя и малокультурны, даже малограмотны, но исполнены воли и стихийно прут назад — в Россию. И Россия снова будет, нравится ли это или не нравится господам в Европе и Америке»¹⁸.

Очевидно, Н. Е. Маркову хотелось верить, что «в СССР усиливается развал и разложение», а «число сторонников власти — по убеждению сокращается в геометрической прогрессии» и лишь «подлая и преступная поддержка — допинг темных сил иудо-масонства и мировой плутократии длит агонию издыхающего зверя»¹⁹. Отсюда политик делал следующий вывод: для освобождения России от советской власти необходима война, которую, как ему казалось, только и ждет русский народ, чтобы подняться против угнетавшего его режима. «Если произойдет <...> война с Японией или ей подобная, внутренне назревший взрыв разразится немедленно. Война принесла иудо-коммунистическую тучу, война и рассеет эти темные скопища злодеев», — заявлял Н. Е. Марков в конце 1933 г.²⁰

При этом эмигрантский политик соглашался с тем, что «несчастливая Россия не должна надеяться ни на чью помощь, а только на себя», но утверждал, что «один лишь вид внешней помощи, одна даже декорация поддержки извне, способна дать окончательный толчок накипающим страстям и взорвать, наконец, коммунистический котел СССР'а». «Я считаю, что даже одни разговоры о готовности помочь освобождению России от поработившего ее интернационала, — чрезвычайно полезны ибо усиливают решимость там — внутри», — писал он племяннику в 1933 г.²¹

По оценке Н. Е. Маркова, высказанной в 1935 г., в СССР «все держится теперь одним насилием, утратившим всякое идейное оправдание», «все идейные коммунисты там или в загоне, или в тюрьме», «все идейные лозунги выброшены за борт и объявлены ересью». «Убийства и грабеж остались, но испарилось все то, что могло оправдывать злодеяния в глазах невежественной толпы, идейных слепцов. Убийства и грабеж остались, но по необходимости направлены они теперь не на “буржуазию”, которой уже нет, а на самый народ — на крестьян и рабочих. Народ только и думает, что о свержении злодейской тирании интернационала и ради своего спасения готов на величайшие жертвы. Вот почему там только и ждут войны. Приход любого иностранного войска ждут как радость и счастье. И это так и есть: в сравнении с нынешним поработителем под игом интернационала никакое завоевание или отвоевание русскому народу не страшно. С национальными покорителями мы справимся...», — резюмировал Н. Е. Марков²².

В первой половине 1930-х гг. Николай Евгеньевич стал выражать уверенность в скором начале войны между СССР и Японией, итогом которой, по его мнению, должно было стать падение коммунизма. «Верится, — писал он, — Япония несомненно нападет на СССР и займет Владивосток и Уссури. Осмелится ли подлая интернациональная тирания ответить объявлением войны, — не берусь сказать. Возможно, что нет²³. Т[ем] не менее, все это развернется в спасительную катастрофу. Скоро, скоро увидим мы Россию — свободную!»²⁴ Вера эта была настолько сильна, что в январе 1932 г. Марков сообщает о своих планах оставить Париж и перебраться на Дальний Восток «для участия в активной русской работе»²⁵. Весной 1932 г. это оптимистическое настроение заметно усиливается. В марте Марков уже с уверенностью пишет: «...Мы быстро мчимся навстречу чрезвычайных событий, которые должны перевернуть всю современную обстановку, и я определенно предвижу, что в этом новом перевороте мы снова окажемся наверху и у руля. Спешу закончить здешние дела и приготовиться к возможному переезду туда, где под ногами будет русская земля»²⁶. А в апреле, сообщая, что спешит закончить свои парижские дела ради скорого переезда «поближе к России», Н. Е. Марков уверяет племянника, что уже «близок день, а вернее дни, окончательного расчета с революцией и заведшихся в ней червями — коммунистами». «Черви должны быть уничтожены, — это само собой, — развивал Марков свою программу, — но и для жизни русского тела д[олжен] б[ыть] установлен здоровый режим. Здоровый режим потребует по-

**Карикатура Б. Е. Ефимова
на Н. Е. Маркова (1936 г.)**

стоянного массажа, жесткого ложа и простого сытного питания. Довольно баловались наши интеллигентные “господа”! Никто как они создали этот питательный бульон для разводки социалистических опытов и вивисекции Русского народа. Царь и народ: вот формула нашего времени. Это будет почище жидовской демократии и плутократии»²⁷. Летом 1934 г. Н. Е. Марков, как бы оправдываясь в том, что его прогнозы о скорой советско-японской войне до сих пор не сбылись, пояснял племяннику: «фактически война между Японией и СССР уже происходит — в незримом плане. Война открытая также не очень замедлит, но весьма возможно, что разразится она в 1935 году. Какая жалость, что международная обстановка складывается так, что США оказываются в союзе с СССР,

т. е. против России. Мы с юности впитали убеждение, что США являются естественным другом русского народа²⁸, а теперь приходится разочаровываться и в этом»²⁹.

Во второй половине 1930-х гг., когда угроза над Советским Союзом все более отчетливо стала проявляться с Запада, Н. Е. Марков начал возлагать вполне определенные надежды на нацистскую Германию, в которой он желал видеть потенциально дружественное национальной России государство. Полагая, что новую мировую войну готовит «интернациональное еврейство», Николай Евгеньевич делал ошибочный вывод о том, что «национальное пробуждение» Германии будет способствовать падению коммунизма в России. Вместе с тем, рассуждая о грядущей войне, Марков далек от наивного суждения, столь свойственного некоторым русским эмигрантам того времени, что Германия или Япония могут спасти Россию по доброй воле, руководствуясь какими-то бескорыстными и благородными мотивами. С одной стороны, он готов был допустить возможность (и страшно желал этого), что национальные интересы Германии заставят гитлеровцев пересмотреть свое отношение к России (но не к СССР) и русским, а с другой — больше надеялся на то, что любое вторжение извне поможет русскому народу избавиться от коммунистической диктатуры и оздоровит народ, пробудив в нем патриотические чувства. «Эпоха наша вполне сходна с временами Крестовых Походов или Великого переселения народов, — рассуждал он в одном из писем к племяннику. — Смешны и жалки потуги европейских политико-мудрецов поймать сеткой для бабочек, расправившего крылья орла. “Drang nach Osten” раньше был словесным пугалом

для ребят, теперь это неудержимое стихийное движение Аттилы, облеченного в газовую маску и летящего на воздушном броненосце. Не пройдет и года, как два молота — один с запада, другой с востока сплющат нашу злосчастную болванку — Россию с двух концов. Из этого мучительного процесса наше отечество выйдет с отрубленными краями, изувеченное, но зато, наконец, спрессованное в патриотизм, доселе неведомый нашей широкой массе: этой тягучей массы “Рассеи”, вечно склонной к рассеянию, пребыванию “в нетях”, “отбояриванию” от государственного дела, от государственного долга... Россия выживет, но выйдет она из под пепла СССР умаленная и стесненная орлами черными и белыми, драконами, опалаемая жгучими лучами Красного Солнца. Мы должны готовиться к тяжелой операции и увы! не можем и не должны мешать этой операции: без операции грозит ведь смерть от гнилостного заражения социалистическим интернационализмом. Пусть уж режут нас по живому мясу! Из сего иносказания ты усмотришь намеченную нами здесь линию поведения: не мешать операции»³⁰.

В том, что советская власть неизменно падет, Н. Е. Марков, похоже, несколько не сомневался. На протяжении 1930-х гг. эта тема постоянно звучит в строках его писем. Так, в 1932 г. он заверяет племянника, что его приглашение приехать в имение Марковых Охочевку «отложено на короткое время, но не отменено», поскольку именно там «произойдет общее свиданье и ознакомление всех членов нашего рода»³¹. В 1933 г., поздравляя племянника с новым годом, Марков уверяет его, что «этот год задается решительным и поворотным», так как «жданки прожданы, и мы подошли к порогу событий величайшей важности»³². В феврале того же года Н. Е. Марков утверждал, что ему совершенно не свойственен пессимизм «в отношении к судьбам России», заявляя, что никогда более чем теперь не ожидал он «близкого переворота за чертополохом»³³. Поздравляя племянника с Пасхой 1933 г., политик выказывал уверенность, что «это последняя Пасха в изгнании», так как «события мчатся навстречу светлому будущему России»³⁴. Когда же все эти прогнозы не сбылись, Н. Е. Марков утешал племянника следующими словами: «Ты скорбишь, что сроки затягиваются. Напрасно: чем зреее будет плод — тем выйдет съедобнее. Наше белое движение оттого и не удалось, что начало слишком рано трясти еще зеленые яблоки. Не бойся, друг, опоздать и устареть до возвращения домой. Попадешь в самый раз и окажешься очень нужен...»³⁵ При этом сам Николай Евгеньевич страшно переживал, что его триумфальное возвращение на родину «несколько задержалось». «Это особенно досадно тем, — пояснял он, — кто не так уже молод и рискует считать вперед на десятилетия»³⁶. Впрочем, в 1938 г. Н. Е. Марков снова сообщает племяннику, что его жена и дочь нетерпеливо ждут возвращения в родные пенаты, и информирует своего родственника: «кстати, имей в виду, что там в саду закопан ящик с наливкой, которая должна за 20 лет настояться до величайшей крепости. Это лишний повод, чтобы тебе не колебаться, и приехать в родные палестины». «Итак, до скорого свидания!» — оптимистично заключает он письмо³⁷.

Однако, наряду с этим оптимизмом, в письмах Н. Е. Маркова встречаются и пессимистичные мотивы, навеянные рассуждениями о том, что должно было предстать пред глазами вернувшихся на родину эмигрантов. Так, в одном из писем, отвечая на вопрос племянника, скоро ли конец коммунистического эксперимента над Россией, Николай Евгеньевич замечал: «Отвечаю с полным убеждением: скоро. Но конец этот будет ужасен. Мы приедем на кладбище, хуже, чем на кладбище, ибо и могил не будет!»³⁸

Установление в Европе фашистских режимов Н. Е. Марков, естественно, приветствовал. В кризисе европейских демократий и росте авторитарных, националистических и традиционалистских тенденций эмигрантский политик усматривал торжество черносотенных идей и начало возрождения в Европе монархических настроений. «События мчатся с ускорением все нарастающим, — отмечал он в летом 1932 г. — Перевороты висят в воздухе. И не только перевороты, но и возвраты к прошлому. Мозги человечества прочищаются, и здоровое понимание спасительности едино и крепковластия охватывает умы новых поколений. Особенно ярко проявляется это в Германии, где затосковали о Кайзере и юнкерах»³⁹. «Только слепому не видно, что человечество все более подпадает “черносотенным” (по старому выражению) настроением, — писал он в конце 1933 г. — Идеи Союза русского народа и “Сионских протоколов” побеждают повсеместно. Даже во Франции, даже в Англии. Теперь это зовется иначе: где фашизмом, где расизмом, но дело не в названии, а в сути»⁴⁰. При этом установление диктатур воспринималось Н. Е. Марковым не как конечная цель, а лишь как этап на пути восстановления монархической формы правления. Так, рассуждая о росте фашистских настроений во Франции, Николай Евгеньевич приходит к выводу, что в стране «начинается революция против наследников и наследства “великой” революции 1789 г.» «По-видимому, — писал он, — в самом воздухе носятся микробы фашизма, и вот один народ за другим отбрасывают свои “великие демократии” и преклоняются перед “великими вождями”. От того, что величие и тех и других весьма сомнительно, положение фактически не меняется. Вспоминается тут старая русская поговорка: “не по хорошему — мил, а по плохому — хорош”. Теперь милы “вожди”, а не демократии. За вождями несомненно придут монархи. Таков непреложный закон исторического цикла. <...> Все эти диктатуры — одна за другой, либо разовьются, либо сменятся наследственными монархиями. Тоже самое произойдет и с сверх-диктатурой Джугашвили...»⁴¹ «Утешает повсеместный рост здорового национализма (и след[овательно] антисемитизма) и фашизма. Гнусная демократия трещит по всем швам, везде появляются царьки. За царьками придут и настоящие Цари», — заявлял политик летом 1934 г.⁴²

Касаясь в переписке прихода гитлеровцев к власти, Н. Е. Марков сообщал, что рассматривает это событие как благоприятное «для русского дела». Конечно, политика-монархиста, на протяжении десятилетий боровшегося с социализмом, не могло не смущать то, что правящая партия Германии имела в своем названии слово «социалистическая», но

он пытался успокоить себя и своего корреспондента тем, что Гитлер «поставлен теперь в необходимость опираться на национальную половину и усмирять социалистическую половину своего “национал-социализма”»⁴³. «Было бы куда хуже, — рассуждал он далее, — если бы дело пошло в обратном порядке: ведь социализм — это первичная стадия политического сифилиса, а коммунизм — его третичная безносая форма, и заразителен именно социализм, когда как коммунизм только отвратителен. Национализм не может ужиться вместе с социализмом: это огонь и вода. Как умный и хитрый вождь, Хитлер (именно так, как было принято тогда в русской эмигрантской среде, писал Марков фамилию вождя немецких нацистов. — *Авт.*) воспользовался приманками социализма — для увлечения за собой толпы. Но теперь, когда надо править государством, а не потрясать воздух словами, он осадил социалистов назад, и далее все будет осаживать; а национал-монархисты будут все более укрепляться. То же самое было и в СССР. Увлёк Ленин лозунгами — долой войну, долой смертную казнь, мир хижинам и т. п., а привел к бесконечной войне, массовым казням и гонению всего крестьянства. Разница между Лениным и Хитлером та, что идеал Ленина был безумен, а идеал Хитлера вполне осуществим»⁴⁴. Но означали ли эти слова, что ненависть к коммунизму обратила Маркова в гитлеровца? Думается, что нет. На деле все было гораздо сложнее. Как справедливо отмечает Р. Ш. Ганелин, «старое монархическое черносотенство и фашизм далеко не во всем между собой совпадали»⁴⁵. В том же самом письме, где он выражал уверенность в пользе гитлеризма для русского дела, Н. Е. Марков делал следующее пояснение: «для нас, русских, хорошо то, что национально-монархическая Германия не в силах будет осуществить свои идеалы, если не поможет воссоздаться сильной и единой России. Другой вопрос, в какой мере полезно будет для России полное осуществление германского идеала»⁴⁶.

При этом, будучи человеком неглупым, Н. Е. Марков вполне отдавал себе отчет в том, что европейские фашистские режимы вряд ли будут особо благосклонны и к русским эмигрантам. «Для нас, русских, присутствующих у чужих господ, все это грозит “похмельем на чужом пиру”». Как бы ни развернулись здешние события, нам все ж достанется на орехи», — отмечал он⁴⁷. Для подобных подозрений у Н. Е. Маркова хватало оснований, о чем он и упоминает в другом письме. Отзываясь о немцах, политик отмечал: «Народ симпатичный, но пальца в рот им не клади. Да и очень уж разлакомились они бросать в тюрьму всякого, кто не проявляет полного послушания. наших русских сидит у них под замком целая уйма, притом немало и совсем правых людей. Вообще, лошадке этой надо еще пообъездиться и поугомониться, а пока лучше не подходить, чтобы сдуру не угодила копытом»⁴⁸. Но вместе с тем, успокаивал себя Н. Е. Марков, бойкот, в котором, по его прогнозам, должна была оказаться нацистская Германия, и «обстоятельства» быстро «угомонят это воспалительное сомнение, и приведут к спасительному убеждению, что без добрых людей и хороших исторических соседей с одним своим фаустом (не Фаустом) не проживешь. В частности, пусть за это

время втемшат себе в башку (даром, что длинноголовую), что без восстановления великой и сильной России им из ямы не выползти»⁴⁹.

Были у Н. Е. Маркова и другие расхождения с гитлеровцами. В частности, русский правый политик и немецкие нацисты разошлись на почве христианства. Для Николая Евгеньевича, воспитанного в православии и всегда выступавшего поборником христианской веры⁵⁰, было немыслимым отказаться от нее в угоду сиюминутных политических и материальных выгод. Когда выяснилось, что немцев, вызвавшихся переводить его книгу «Войны темных сил», не устраивает то, что произведение написано с христианских позиций, Н. Е. Марков посоветовал им «лучше обратиться к советской литературе, где их антихристианская щепетильность не наткнется ни на веру, ни на Бога». «Не знаю, как решится дело, но превращать антисемитизм в антихристианство я ни в каком роде не стану, хотя бы пришлось подохнуть с голода», — негодуя, заявлял он племяннику⁵¹.

Как видим, несмотря на явные симпатии к европейским диктатурам, Н. Е. Марков продолжал оставаться монархистом, который, хотя и был готов пойти на тактический союз с фашизмом (национал-социализмом), но отдавал себе отчет в том, что последний отнюдь не является панацеей для России. Так, рассуждая о последствиях для России советской диктатуры, эмигрантский политик приходит к выводу, что положение, вызванное коммунистическим экспериментом, «исторически заслужено нами, заслужено в особенности нашими народными верхами, которые и сами погибли и весь народ сгубили своим безмозглым, бездушным преклонением пред демократизмом, социализмом, нигилизмом, анархизмом и проч. “измами”», а потому «никакие новые “измы”, хотя бы и фашизм, не способны спасти Россию»⁵². Рецепт воскрешения национальной России, предлагаемый Н. Е. Марковым, выглядел следующим образом: «Необходим мистический переворот в духовном настроении, необходимо воскрешение искренней — почти младенческой веры в Бога и в Царя, Помазанника Божия». При этом, выражал далее уверенность Николай Евгеньевич, «в России такой переворот происходит, и все более вера в Бога и Царя охватывает умы и души крестьянства и даже рабочих». «Из эмиграции это почти незаметно, — добавлял он далее, — эмиграция по-прежнему пребывает в отрыве от своего народа и потому продолжает суетливо шарить руками и искать рукавиц — а они у нее за поясом. Эмиграция по сей день не понимает, что без веры и Царя — Россия будет невозможна, не понимает, что Россия это есть вера, Царь и народ — на русской земле»⁵³.

Однако сотрудничество с гитлеровцами Н. Е. Марков рассматривал как вполне приемлемое. Отчасти это было связано с тем, что, как писал политик, «среди современных деятелей наци есть немало добрых моих знакомых из эпохи моей жизни 1920–1925 годов в Берлине»⁵⁴. Кроме того, бывшего лидера черной сотни и германских нацистов сближали антикоммунизм и антисемитизм. Рассуждая о немецкой политике в отношении евреев, Н. Е. Марков признавался: «Я чувствую громадное удовлетворение тем, что наконец-то

поставлено в государственном масштабе разрешение еврейского вопроса, притом правильно (подчеркнуто Марковым. — *Авт.*) поставлено, так именно, как мы столько лет пропагандировали, начиная с 1903 года»⁵⁵. В связи с этим Н. Е. Марков принял приглашение выступить на Бернском процессе «для защиты группы швейцарских национал-фашистов», обвиненных местной еврейской общиной в распространении «Протоколов сионских мудрецов». По сути, это был процесс над самими «Протоколами» и Николай Евгеньевич представлял сторону, пытавшуюся доказать подлинность данного текста. «Я завален вопросами, справками, выборками, совещаниями и т. п., — писал он племяннику. — Пришлось перевероршить массу книг, написать кучу писем, затратить массу времени, чтобы составить свод доказательств и документальных подтверждений факта подлинности “сионских протоколов” и достоверности всех антисемитских обличений. <...> Предстоит еще ехать в Берн в роли свидетеля-эксперта. <...> Все силы пущены в ход, чтобы остановить ход антисемитизма в Швейцарии. Подобные же процессы намечены и в других странах. Я с головой ушел в эту борьбу, но, увы! это отнимает у меня не только время, но и последние гроши»⁵⁶.

Среди других тем, которые затрагивает в своей переписке Н. Е. Марков, можно отметить церковную проблематику. Отвечая на вопрос заинтересовавшегося религией племянника, какую из православных церквей следует считать истинно русской, Николай Евгеньевич утверждал, что таковой является исключительно Русская православная церковь за границей (РПЦЗ), возглавляемая митрополитом Антонием (Храповицким). «В СССР церковная организация разгромлена и все верные православию иерархи либо убиты, либо в заточении с митр. Петром [(Полянским)] во главе. Митр. Сергей [(Страгородский)], страха ради иудейска, подчинился богоборческой власти и выполняет ее повеления, — пояснял Н. Е. Марков. — Идти за этим пленником сатаны могут только безумцы или предатели. Если группу митр. Сергия можно назвать церковью, то церковь эта не русская, а советская»⁵⁷. Отказывал в каноничности Н. Е. Марков и сторонникам митрополита Евлогия (Георгиевского). Последний, по словам политика, откололся от русской церкви и перешел под власть патриарха Константинопольского, который «выказывает себя прямым врагом патриарха Тихона и требовал от него сложения сана — в угоду советским живощерковникам». Что же касается митрополита Платона (Рождественского), отмечал правый политик, то тот также порвал с русской церковью, организовав «со своими приспешниками самостоятельную (автокефальную) американскую (но не русскую) православную церковь»⁵⁸. В качестве духовных авторитетов, помимо митрополита Антония, Н. Е. Марков также выделял архиепископа Виталия (Максименко) — бывшего до революции председателем Почаевского отдела Союза русского народа, которого аттестовал как «большого человека и настоящего воина Христова»⁵⁹.

Любопытно, что в свое время и Евлогий (Георгиевский), и Платон (Рождественский) были во многом единомышленниками Н. Е. Маркова (оба, в прошлом, как и Николай Евгеньевич, члены правых объединений Государственной думы), однако в эмиграции их пути разо-

шлись окончательно, и оценка, которую теперь давал им политик-монархист, была невысока. Впрочем, это замечание справедливо и в отношении некоторых других бывших правых. Так, рассуждая в одном из писем об эмигрантской газете «Возрождение», которую Н. Е. Марков характеризовал как некое подобие «Нового времени» кануна революции («под видом правого органа оно работает на разрушение правой работы и сбивает с толку правых людей»), бывший лидер Союза русского народа так отозвался о некогда правых В. М. Пуришкевиче и В. В. Шульгине, изменивших, по его мнению, своим идеалам к 1917 г.: «“Правые” Шульгин и Пуришкевич оказались куда вреднее самого Милюкова. Ведь только им, да “патриоту” Гучкову, а не Керенскому и К° поверили все эти генералы, сделавшие успех революции»⁶⁰. С последним утверждением, впрочем, трудно не согласиться...

Из переписки мы также узнаем, что удачно завершившиеся переговоры с немцами о переиздании его книги позволили Н. Е. Маркову поправить свое материальное положение и решиться на переезд с семьей из Парижа в Эрфурт. «Вообще, надежды мои воспрянули, я думаю, что переезд мой на восток знаменует нечто символическое: движение на восток началось не только для меня и моей семьи», — сообщал он летом 1935 г. племяннику⁶¹. В нацистской Германии 70-летний правый политик, обосновавшийся вскоре во Франкфуртена-Майне, нашел себе применение в качестве редактора русского выпуска бюллетеня «Мировая служба» (подшивка которого также сохранилась в Бахметьевском архиве). Рассказывая в 1939 г. о своей новой деятельности, Марков сообщал племяннику: «...“Мировая служба” ставит свою целью исследование и правильное освещение зловредной деятельности интернационального иудо-масонства, а также идейную борьбу против Коминтерна. Во внутренние дела отдельных государств “Мировая служба” принципиально не вмешивается. Ко всем нациям мы относимся одинаково дружелюбно и сочувственно. Враждебна “Мировая служба” только интернационалу во всех его видах: иудейском, масонском и коммунистическом»⁶².

Таким образом, в 1930-е гг. главными врагами для бывшего лидера черной сотни по-прежнему были евреи, масоны, социалисты и коммунисты. Это естественным образом сблизало его с германскими нацистами, хотя и не превращало в слепого последователя Гитлера. Оставаясь убежденным монархистом, видя в немцах не более чем тактических союзников в борьбе с коммунизмом, Н. Е. Марков был достаточно критично настроен по отношению к национал-социализму, что, впрочем, не помешало ему заключить с ним сделку. Нет сомнений, что все эти годы Николай Евгеньевич оставался убежденным русским патриотом и чаял воскрешения сильной, национальной, возглавляемой монархом России, однако путь, выбранный им для достижения этой цели, оказался глубоко ошибочным и тупиковым. Как справедливо отмечает в отношении Н. Е. Маркова Р. Ш. Ганелин, «убежденный в непригодности фашизма для России, он десять лет состоял на службе у гитлеровского режима, враждебность которого русскому народу в эти страшные годы стала так же очевидна и неотрицаема,

как несостоятельность надежды на поражение Советской России...»⁶³ Сумев уловить начавшуюся эволюцию большевистского режима, Н. Е. Марков так и не смог понять настроений русского народа, который, несмотря на все тяготы жизни, вовсе не надеялся на помощь со стороны интервентов и не стремился к восстанию против советской власти. К сожалению, до сих пор точно неизвестно, как отреагировал Николай Евгеньевич на начало войны гитлеровской Германии против СССР и менялись ли его взгляды по мере того, как нацисты «во всей красе» показали себя по отношению к русскому народу, за интересы которого всегда так ратовал бывший черносотенец. Некоторые исследователи отмечают, что достоверных сведений об активном сотрудничестве Н. Е. Маркова с нацистами во время Великой Отечественной войны нет. «Возможно, — пишет известный исследователь правого движения С. А. Степанов, — он, не найдя себе приемлемого решения, самоустранился, или же это произошло просто в силу преклонного возраста и состояния здоровья»⁶⁴. Но, судя по названию последней известной на сегодняшний день публикации Н. Е. Маркова, появившейся в берлинских «Казачьих ведомостях» в 1944 г. (№ 9/10) — «Иудеи у власти в Советском Союзе»⁶⁵, — правый политик до конца своих дней продолжал отстаивать те же идеи, что озвучивал и в 1930-х гг. Однако дожить до полного краха нацистской Германии и связанных с ней надежд Н. Е. Маркову не пришлось — он скончался 22 апреля 1945 г. в возрасте 79 лет и был похоронен на православном кладбище в Висбадене, расположенном рядом с горой Нероберг.

¹ Наиболее полную на сегодняшний день библиографию см.: *Богоявленский Д. Д., Иванов А. А.* Марков Н. Е. // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия.* М., 2010. С. 286.

² См.: *Антоненко Н. В.* Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск, 2008; *Иванов А. А.* «Берлинский зубр» // *Родина.* 2009. № 4. С. 92–94; *Ромов Р. Б.* Марков Н. Е. // *Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия.* М., 2009. С. 409–412.

³ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive (USA). N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письма Н. Е. Маркова. — Поскольку нумерация листов в данном архивном деле отсутствует, а сами письма пронумерованы выборочно, при цитировании данного источника мы будем пользоваться принятой аббревиатурой архива (BAR), указанием коллекции (N. E. Markov Papers. Collection. Box 1) и даты письма.

⁴ *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // *Евреи в России: История и культура: Сб. науч. трудов. (Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 5).* СПб., 1998. С. 211–217.

⁵ *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). Изд. 2-е., испр. и доп. СПб., 2008.

⁶ См.: *Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С.* Неизвестные страницы биографии Н. Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива // *Научный диалог.* 2013. № 11 (23): История. Социология. Философия. С. 30–43.

⁷ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письма от 4/17 января 1930 г. и 2/15 октября 1931 г.

⁸ Ibid. Письмо от 4/17 января 1930 г.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. Письмо от 25 января / 7 февраля 1933 г.

¹¹ Ibid. Письмо от 29 апреля / 12 мая 1935 г.

¹² Ibid. Письмо от 5 сентября 1934 г.

¹³ Ibid. Письмо от 6 декабря 1934 г.

¹⁴ Ibid. Письмо от 9 ноября 1934 г.

¹⁵ Ibid. Письмо от 7/20 июня 1932 г.

¹⁶ Ibid. Письмо от 30 ноября / 13 декабря 1933 г.

¹⁷ Ibid. Письмо от 27 декабря 1934 г. / 9 января 1935 г.

¹⁸ Ibid. Письмо от 6 декабря 1934 г.

¹⁹ Ibid. Письмо от 27 июня / 9 августа 1932 г.

²⁰ Ibid. Письмо от 30 ноября / 13 декабря 1933 г.

²¹ Ibid. Письмо от 30 марта / 11 апреля 1933 г.

²² Ibid. Письмо от 10 июня 1935 г.

²³ В другом письме Н. Е. Марков так развивал эту мысль: «Общее положение в СССР — это быстрое и явное созревание нарыва, который вот-вот лопнет. Правительствующие палачи панически боятся войны и ни за что в такую не ввяжутся. <...> Война нужная советской власти до зарезу, но война Японии с Америкой, война Франции с Германией, война Италии с Сербией, но никак не своя собственная война с кем бы то ни было. Палачам за глаза довольно войны с собственным русским народом, который далеко еще не побежден...» (BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 8 / 21 апреля 1934 г.).

²⁴ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 17/30 ноября 1931 г.

²⁵ Ibid. Письмо от 13/26 января 1932 г.

²⁶ Ibid. Письмо от 6 марта 1932 г.

²⁷ Ibid. Письмо от 6 апреля 1932 г.

²⁸ При этом отметим, что в 1930-е гг. Н. Е. Марков подвергал США довольно резкой критике за установившийся в Америке режим «сверхкапитализма» и ставку на развитие материального прогресса в ущерб духовному развитию общества. «...Прогресс техники — вещь полезная, но всякое благо в чрезмерном количестве становится злом, — рассуждал он в одном из писем. — Хорошо, например, скушать жаренного в масле с сухариками цыпленка (как едали в Охочевке), но беда тому, кто вздумал бы скушать сразу целую дюжину цыплят. Так и с механизацией современного человечества: оно объелось машиной, и человек стал чем-то вроде “робота”. Полезное орудие, мало по малу превратилось в ненавистного соперника человеческому труду, в грабителя человеческого заработка. Замечательно, что обоготворенная машина воцарилась на двух крайних полюсах современности: в сверх-капитализме Соед. Штатов и в сверх-социализме СССР. Не странно ли, что и обозначения их названий одинаково состоит из четырех букв? Крайности — концы одного и того же кольца — сходятся. Сходятся и сверх-капитализм со сверх-социализмом, сходятся прежде всего своей первосущностью: материализмом, поклонением вещи и телу, забвением и отвержением духа и идеи. Умерщвление души своего народа — основа социализма, ярко выявившаяся в коммунизме, который есть лишь социализм, доведенный до своего логического вывода. Такое же умерщвление души, хотя совсем иными способами, производит над своим человеком максимальный капитализм. Этот седовласый рабочий, который в течение десятков лет с утра до вечера делал два-три механических движения руки и ничего другого, который не имеет времени ни для человеческой жизни, ни для человеческой мысли, ведь он перестает быть человеком, он хуже раба древности, который имел время и думать (вспомним Эзопа) и хотя бы по-рабьи развлекаться. Если эта близость внутренней сущности жутко сближает капитализм с коммунизмом, то ведь приходится ожидать и одинакового исхода, одинаковой развязки для обеих

чудовищных систем. Развязка эта — народные катастрофы» (BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 4 / 17 ноября 1932 г.).

²⁹ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 8 июня 1934 г.

³⁰ Ibid. Письмо от 6 апреля 1935 г.

³¹ Ibid. Письмо от 6 марта 1932 г.

³² Ibid. Письмо от 30 декабря 1932 г. / 12 января 1933 г.

³³ «Не только ожидаю я сего события, но и все силы кладу на реальное ускорение оно, как делал это в течение всех этих 15 лет», — писал Н. Е. Марков. (BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 25 января / 7 февраля 1933 г.)

³⁴ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 30 марта / 11 апреля 1933 г.

³⁵ Ibid. Письмо от 5 сентября 1934 г.

³⁶ Ibid. Письмо от 8 июня 1934 г.

³⁷ Ibid. Письмо от 29 марта 1938 г.

³⁸ Ibid. Письмо от 24 июля / 6 августа 1933 г.

³⁹ Ibid. Письмо от 27 июня / 9 августа 1932 г.

⁴⁰ Ibid. Письмо от 30 ноября / 13 декабря 1933 г.

⁴¹ Ibid. Письмо от 27 января / 9 февраля 1934 г.

⁴² Ibid. Письмо от 8 июня 1934 г.

⁴³ Ibid. Письмо от 5 июля 1934 г.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ганелин Р. Ш. Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму. С. 214.

⁴⁶ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 5 июля 1934 г.

⁴⁷ Ibid. Письмо от 8 / 21 апреля 1934 г.

⁴⁸ Ibid. Письмо от 5 сентября 1934 г.

⁴⁹ Ibid. Письмо от 5 сентября 1934 г. «Просто беда с этими “молодыми вождами”: совсем не хотят знаться с историей, и сотворение мира приписывают себе. Таковы же и наши младороссы, только малость еще поглупее. А жаль. Самое теперь время разгуляться силе молодой. Поскорее поняли бы только, что сила-то молода, а ум-то надобен старый», — отмечал далее Н. Е. Марков.

⁵⁰ В свое время известный русский мыслитель И. А. Ильин, в целом давая негативную характеристику Маркову, с удивлением отмечал, что «духовная культура за пределами православия для него почти не существует» (Ромов Р. Б. Марков Н. Е. // *Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия*. М., 2009. С. 412). Об этом же свидетельствует и биограф Н. Е. Маркова (предположительно, его племянник Всеволод), писавший: «Без молитв перед иконами Николай Евгеньевич дня не начинал. Глубокой и искренней веры был человек. Не для показа» (BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Биография Н. Е. Маркова 2-го. Р. 6).

⁵¹ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 27 декабря 1934 г. / 9 января 1935 г.

⁵² Ibid. Письмо от 27 января / 9 февраля 1934 г.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid. Письмо от 30 марта / 11 апреля 1933 г.

⁵⁵ Ibid. Впрочем, здесь необходимо сделать оговорку, что Марков имел ввиду вовсе не физическое уничтожение евреев, которого в то время еще не было, а ограничение их в правах.

⁵⁶ BAR. N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 27 декабря 1934 г. / 9 января 1935 г.

⁵⁷ Ibid. Письмо от 10 июня 1935 г.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. Письмо от 9 июля 1935 г.

⁶⁰ Ibid. Письмо от 8 февраля 1935 г.

⁶¹ Ibid. Письмо от 9 июля 1935 г.

⁶² Ibid. Письмо от 22 июля 1939 г.

⁶³ Ганелин Р. Ш. Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму. С. 217.

⁶⁴ Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 607.

⁶⁵ Наумов С. В. «Мы оказались связаны с белой Испанией кровно». (Памяти русских патриотов, погибших на Испанской Гражданской войне) // Донские казаки в борьбе с большевиками. 2011. № 6. С. 91.

УДК 94(47).084.6

Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 140–156.

АННОТАЦИЯ: В статье освещаются неизвестные страницы эмигрантского периода жизни видного русского правого политика, бывшего лидера Союза русского народа Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945). Основанная на материалах из документальной коллекции Н. Е. Маркова (личных письмах) из собрания Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США), большинство из которых впервые вводится в научный оборот, статья существенно дополняет имеющиеся в исторической науке сведения и представления о взглядах Н. Е. Маркова в период 1930–1939 гг. на Россию, Советский союз, коммунизм, внутрипартийную борьбу в СССР, нацистскую Германию, немецкий фашизм, монархию. Верно подметив трансформацию коммунистической партии в Советском Союзе и видя торжество фашистских режимов в Европе, правый политик дел поспешный и ошибочный вывод о скорой смене европейских диктатур монархиями, разложении советского строя и неизбежном государственном перевороте в СССР, ускорить который, по его мнению, должна была надвигавшаяся война. Вместе с тем, сумев уловить начавшуюся эволюцию большевистского режима, Н. Е. Марков так и не смог понять подлинных настроений русского народа. А антисемитизм и масонофобия, свойственные бывшему лидеру черной сотни, в конечном счете, привели политика-монархиста, утверждавшего, что фашизм не пригоден для России, к сотрудничеству с германскими нацистами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. Е. Марков, Союз русского народа, монархическая эмиграция, Бахметьевский архив, фашизм, нацизм, коммунизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: А. А. Иванов — доктор исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); andriv78@yandex.ru | С. В. Машкевич — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Институт теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова НАН Украины (Нью-Йорк, США; Киев, Украина); mash@mashke.org | А. С. Пученков — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ap80@mail.ru

Ivanov A. A., Mashkevich S. V., Puchenkov A. S. “Tsar and people: That's the formula of our time”. About N. E. Markov's views in the 1930s

ABSTRACT: This article highlights some little-known episodes from the emigration years of a prominent Russian right-wing politician, the former leader of the Union of Russian People, Nikolai Yevgenyevich Markov (1866–1945). Based upon documents (specifically,

personal letters) from the Markov collection at the Bakhmeteff Archive, Columbia University (New York, USA), most of which are introduced into scholarly circulation for the first time, the article contributes substantially to our knowledge and understanding of Markov's views between 1930–1939 on Russia, the Soviet Union, communism, the internal party struggle in the Soviet Union, Nazi Germany, fascism, and monarchy. Having correctly identified a transformation of the Communist Party in the Soviet Union and having witnessed the triumph of fascist regimes in Europe, this right-wing politician made hasty and erroneous predictions about an imminent replacement of European dictatorships with monarchies and the collapse of the Soviet system and the overthrow of its political system—something that he believed would be accelerated by the coming war. If Markov had been able to sense the beginning of the evolution of the Bolshevik regime, he failed to understand the true sentiments of the Russian people. His anti-Semitism and fear of Masons, which was typical for the former leader of the Black Hundreds, eventually led the monarchist politician to cooperate with the Nazis, despite his claims that fascism was not suitable for Russia.

KEYWORDS: Nikolai Ye. Markov, Union of Russian People, monarchist emigration, Bakhmeteff archive, fascism, nazism, communism.

AUTHORS: A. A. *Ivanov* — Doctor of History, Associate Professor, Herzen University (Saint-Petersburg, Russia); andriv78@yandex.ru | S. V. *Mashkevich* — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Leading Research Worker, N. N. Bogolyubov Institute for Theoretical Physics (New York, USA; Kiev, Ukraine); mash@mashke.org | A. S. *Puchenkov* — Candidate of History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); ap80@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Bogoiavlenskii D. D., Ivanov A. A. 'Markov N. E.' in *Russkii konservativizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediia* (Moscow, 2010).
- ² Antonenko N. V. *Ideologiya i programmatika russkoi monarkhicheskoi emigratsii* (Michurinsk, 2008).
- ³ Ivanov A. A. '«Berlinskii zubr»', *Rodina*, no. 4 (2009).
- ⁴ Romov R. B. 'Markov N. E.' in *Obshchestvennaia mysl Russkogo zarubezhia: entsiklopediia* (Moscow, 2009).
- ⁵ Ganelin R. Sh. 'N. E. Markov 2-i o svoem puti ot chernosotenstva k gitlerizmu' in *Evrei v Rossii: Istorii i kultura: Sb. nauch. trudov. (Trudy po iudaike. Istorii i etnografiia. Iss. 5)* (St. Petersburg, 1998).
- ⁶ Bazanov P. N. *Izdatelskaia deiatelnost politicheskikh organizatsii russkoi emigratsii (1917–1988 gg.)* (St. Petersburg, 2008).
- ⁷ Ivanov A. A., Mashkevich S. V., Puchenkov A. S. 'Neizvestnye stranitsy biografii N. E. Markova: po materialam Bakhmetevskogo arkhiva', *Nauchnyi dialog*, no. 11(23), *Istorii. Sotsiologii. Filosofii* (2013).
- ⁸ Stepanov S. A. *Chernaia sotnia. Chto oni sdelali dlia velichii Rossii?* (Moscow, 2013).
- ⁹ Naumov S. V. '«My okazalis sviazany s beloii Ispaniei krovnno». (Pamiati russkikh patriotov, pogibshikh na Ispanskoii Grazhdanskoi voine)' in *Donskie kazaki v borbe s bolshevikami*, no. 6 (2011).